

ЗРЕЛИЩЕ ДЛЯ НЕЗРЯЧИХ

Ольга Фукс

НЕЗРЯЧИЕ И СЛАБОВИДЯЩИЕ ЛЮДИ ДАВНО УЖЕ НАУЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ, ИГРАТЬ НА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ – ДА МАЛО ЛИ ЧЕГО ЕЩЕ. НО ВОТ ТАКОЙ НЕОБХОДИМОЙ РАДОСТИ, КАК ПОХОД В ТЕАТР, ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ БЫЛИ ЛИШЕНЫ. СЕГОДНЯ НЕ ТО ЧТОБЫ СИТУАЦИЯ КОРЕННЫМ ОБРАЗОМ ПОМЕНЯЛАСЬ К ЛУЧШЕМУ, НО ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПО ЕЕ ИСПРАВЛЕНИЮ ВСЕ ЖЕ ПОЯВИЛИСЬ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ – КАПЛЯ В МОРЕ, С ДРУГОЙ – ВОДА КАМЕНЬ ТОЧИТ.

ТЕАТР НА ОЩУПЬ, НА ВКУС И НА ЗАПАХ
В афише нынешней «Золотой маски» в номинации «Эксперимент» представлен спектакль «Майская ночь» Московского театра кукол. Литовская постановщица Каролина Зерните вспомнила, что помимо слуха и зрения (на которые ориентируется обычный режиссер), у человека есть еще много других чувств – «зрячих пальцев стыд и выпуклая радость узнавания», как сказал поэт.

Ранее в Литве она поставила детский спектакль «Сказки пчелки для шести чувств», то есть для зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса и пресловутого шестого чувства (назовем его интуицией). Разумеется, все уже было в этой жизни – были и театральные мыслители, обращавшиеся к полисенсорному театру, – например, итальянские футуристы Филиппо Томмазо Маринетти и его жена Бенедетта Каппа: опыт Первой мировой войны, необходимости ориентироваться в темноте окопов, привели их к созданию манифеста тактилизма и составлению тактильных таблиц с различными фактурами и формами. Своим предшественником они называли Умберто Боччиони, создавшего первый объект в духе touch-art из железа, глины, фарфора и волос.

Но это история искусства. А молодая литовская художница руководствовалась скорее соображениями этики. «Мне хотелось бы придумать спектакль-утопию, такой, где звездой был бы не актер – сейчас слишком много актеров играют для себя, – а зритель. Потом я подумала, что это должен быть зритель с какими-то особенностями, например, слабовидящий», – призналась госпожа Зерните в одном из предпремьерных интервью.

Слабовидящим зрителям отводятся на ее спектакле почетные места на сцене: восемь специальных вертящихся кресел на колесиках, катаясь на которых можно вспомнить о карусели, центрифуге или комнате страхов. У зрячих есть выбор: надеть повязку на глаза и почувствовать

себя в ситуации слепых или остаться при своем и увидеть уникальное зрелище – актеров, которые буквально травой стелются и ветром вьются вокруг своей необычной публики. Это своего рода служение и самоотречение, такое неожиданное для актерской профессии.

Над головой восьмерых зрителей «Майской ночи» шелестит листва, в лицо им дует свежий ветерок с Днепра, пахнет травами, жасмином, полынью, чесноком и салом, мокрыми водорослями, скрипит галька под ногами. Зрители чувствуют прикосновения девичьих волос, мокрых русалочьих одежд или страшной лапы мачехи-ведьмы, превратившейся в кошку. Подвыпивший казак Калейник опирается на плечи зрителей, несчастная Панночка метет избу, задевая по ногам. В сцене пира незрячие участники лепят из теста пироги, которые затем и съедают вместе с огурцами, яблоками и прочей снедью. Поют ночные птицы, стрекочет сверчок, дивчины и парубки поют украинские песни.

Надо ли говорить, с какой благодарностью и отдачей включаются в действие люди, привыкшие жить в темноте, преодолевая тысячу трудностей. Суровый мир, сквозь который они бредут на ощупь, вдруг окутывает их заботой, точно теплым одеялом. Актеры, которые вошли в эту реку, проходили серьезные тренинги, а экспертами выступали члены Всероссийского общества слепых – именно на них опробовали режиссерские находки. Надо полагать, что после такого эксперимента они будут совсем по-другому относиться к своей профессии.

Пример Каролины Зерните оказалась заразительным – за опытом к ней обратились иркутяне из Театра кукол «Аистенок», пригласив ее работать над спектаклем по сказке Вильгельма Гауфа «Калиф-аист», где над каждым зрителем колдуют по несколько актеров. Вдохновились этим опытом и в Набережных Челнах – так, актриса местного театра кукол побывала на «Майской ночи»

и загорелась идеей сделать такой же спектакль у себя дома. Театр выиграл грант в конкурсе социальных и культурных проектов и в апреле 2014 года ждет маленьких незрячих зрителей на премьеру, которую можно будет показывать как в театре, так и в специализированных детских садах и школах.

Опыт Каролины Зерните – яркий, но не единственный. Подобный есть и у московского театра «Булгаковский дом» – это спектакль Екатерины Негруце «Вольке» по рассказу Ксении Дмитриевой о мальчике и его волшебном путешествии из Германии в Россию ради доброго поступка на маленьком облачке Вольке. От незрячей публики требуется слух, обоняние и кинестетика, а также интерактивная вовлеченность в действия. Запах чая, мандаринов и корицы заменяют декорации рождественского праздника, капельки воды на лице из пульверизатора – близость реки, ну а если речь идет о еловой шишке, то не грех просто дать ее подержать. Ученики московской школы-интерната № 1 помогли создателям спектакля в главном – в преодолении страха перед столь необычной аудиторией, которая поначалу кажется сонным царством, но потом поражает разнообразием и живостью реакций.

УВИДЕТЬ ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

– Все это прекрасно, – говорит Сергей Николаевич Ваньшин. – Но как штучный товар для особой категории зрителей. А я хочу прийти в театр и посмотреть любой спектакль. Всякая форма культурной реабилитации нацелена на интеграцию инвалида в общество – у него должна быть возможность выбрать любой фильм или спектакль, а не то, что выберут сами режиссеры и приспособят на отдельных сеансах. Согласно Конвенции о защите прав инвалидов, это вообще не допустимо.

Кандидат педагогических наук, член оргкомитета нескольких кинофестивалей «Кино без барьеров», гендиректор института «РЕАКОМП», который

занимается профессиональной реабилитацией и подготовкой персонала Всероссийского общества слепых, Сергей Ваньшин является одним из соавторов концепции тифлокомментирования – лаконичного и грамотного описания того, что происходит на сцене, в кадре или на спортивной арене. Инвалид по зрению, страстный любитель кино (жена помогла ему увидеть сотни фильмов), Ваньшин однажды решил приобщить к кино и театру своих товарищей по несчастью. Профессия тифлокомментатора требует специальной подготовки (более ста сорока часов обучения) и особых человеческих качеств – обычные волонтеры, убежден Ваньшин, не могут учесть всей специфики проблемы. Желающие получить такую специальность проходят жесткий отбор и большой конкурс. У актеров тут огромное преимущество перед людьми остальных специальностей – им не надо ставить речь, дыхание, произношение, учить образному мышлению. Профессия эта требует творческого подхода и... натаскивания. На уроках разбирается та или иная сцена – как лаконично и точно объяснить происходящее незрячему и уложиться в отпущенную режиссером паузу. Тифлокомментатор должен очень дружить с русским языком (например, банальная фраза «на столе загорелась лампа» сразу вызовет вопросы – засветилась или стала причиной пожара). Быть подкованным во всех вопросах (так, ради комментария о фильме про войну 1812 года студентам пришлось досконально изучить военную форму, чтобы не перепутать гусара с казаком, а улана с драгуном). А также быть лаконичным и кратким – не перекрывать своими комментариями действие, оставаться почти незаметным, но необходимым участником действия.

Как и всякое хорошее дело, рассказывает Ваньшин, тифлокомментирование с трудом пробивает себе дорогу. Придуманная программа по его реализации развалилась на три части, финансирова-

ние закончилось раньше времени. Невозможно добиться ответов на свои запросы у чиновников разных рангов. Как и везде, царит полная неразбериха с авторскими правами, разобщенность людей, которые пытаются решать проблемы слабовидящих. Так, например, Государственная библиотека для слепых и слабовидящих в Санкт-Петербурге и детский интеграционный театр «Куклы» анонсируют спектакль «Человек из часов» по Саше Черному с тифлокомментированием как первый российский пример адаптации спектакля для незрячих: если уж Москва и Петербург не знают, что делается друг у друга, что говорить об остальных городах.

И тем не менее мечта о походе в театр для незрячих на любой спектакль уже начала воплощаться. Московский губернский театр под руководством Сергея Безрукова постепенно адаптирует свой репертуар под нужды и незрячих тоже (и первым спектаклем с тифлокомментированием стал «Пушкин»). Ранее Сергей снабдил тифлокомментарием и свой детский фильм «Реальная сказка», а в будущем планирует все спектакли своего театра сделать

БЫЕ ПРОСТВИЕ РАВНОМ.
ГУ, К ЛЮБАЯ СВОРНОВ
К ЛЮТ В СТИВНЕНЯТ
ВЫПОЗРА ЧНОСТВИЕ
С ПЕРИМЕН ТРАБОТО
МОШНЫЙ УДОБЕСКИ
ВЫ НЕНТОРНОМУ
ВАМЕРИМЕНЯТ

доступными для незрячих людей. Среди комментаторов – его жена, актриса Ирина Безрукова, получившая диплом высшей категории. Вместе с ней курсы окончили и другие актрисы: Ольга Игнатова, Анна Цанг и Марина Бауэр.

А цена вопроса, как водится, не так уж высока. Обучение тифлокомментаторов плюс создание комментария к спектаклю, плюс оборудование, которое ставят для перевода любого гастрольного спектакля. Было бы желание и воля протянуть руку навстречу незрячим людям.

A SPECTACLE FOR THE BLIND

Olga Foux

THE BLIND AND THE VISUALLY IMPAIRED HAVE LONG LEARNED HOW TO READ AND WRITE, PLAY MUSICAL INSTRUMENTS, AND A SLEW OF OTHER THINGS. UNTIL RECENTLY, HOWEVER, THEY HAVE BEEN DEPRIVED OF SUCH AN ESSENTIAL PLEASURE AS GOING TO THE THEATRE. THE SITUATION THESE DAYS DID NOT RADICALLY CHANGE FOR THE BETTER SO MUCH AS THERE ARE NOW FINALLY INDIVIDUAL THEATRICAL PHENOMENA THAT CONTRIBUTE TO ITS IMPROVEMENT. A DROP IN THE OCEAN ON THE ONE HAND, YET ON THE OTHER – CONSTANT DROPPING WEARS AWAY A STONE.

THEATRE BY FEEL, TASTE AND SMELL. The Innovation category in the playbill for the latest Golden Mask festival presents a production of “May Night” by Moscow’s Puppet Theatre. Lithuanian director Karolina Zernyte remembered that, apart from hearing and sight (that regular directors focus on), human beings have many other senses as well – “the shame of sensate fingers, the shameful joy of knowing,” as the poet said.

Earlier she had staged a children’s production in Lithuania, titled “Tale by the Sine Lite for the Six Senses”, in other words, for sight, hearing, smell, touch, taste, and the notorious sixth sense (let’s call it intuition). This is certainly not a new concept – there have already been theatre thinkers, who had moved toward multi-sensory theatre – for instance, Italian futurists Filippo Tommaso Marinetti and his wife Benedetta Cappa: the experience of the First World War, the need to find one’s way in the darkness of the trenches, led them to create “The Manifesto of Tactilism” and put together tactile

tables with various textures and forms. They named Umberto Boccioni, who created the first touch-art object out of clay, porcelain and hair, as their predecessor.

But that is the history of art, whereas the young Lithuanian artist was guided rather by ethical considerations. “I wanted to create a utopian production, where the star of the show would not be the actor – there are too many actors nowadays who perform strictly for themselves – but, rather, the spectator. And then I decided that it should be a spectator with some sort of special characteristic, for instance, visually impaired,” related Ms Zernyte in one of her pre-premiere interviews.

At the production the visually impaired spectators are given seats of honor on stage: eight specially rotating wheeled chairs that, when one is riding on them, can remind one of a carousel, a centrifuge or a chamber of horrors. Seeing spectators have a choice: to tie a piece of cloth over their eyes and step into the shoes of the blind or to

remain as they are and watch a unique performance – actors, who literally bow before their unusual audience like grass and whirl around them like the wind. It is a service of sorts and a self-abnegation that is so unusual for the acting profession.

Leaves are rustling over the heads of the eight spectators of “May Night”, fresh Dnepr breeze is blowing in their faces; there’s a smell of grass, jasmine, sagebrush, garlic and lard, wet sea weed; pebbles crunch under foot. The audience feels the touch of a woman’s hair, wet mermaid clothes or the terrible paw of the witch stepmother turned cat. Kalenik, the drunken Cossack, leans on the spectators’ shoulders, the poor Pannochka sweeps the hut, scraping along their feet. During the feast scene the blind participants are making pasties out of dough, which they later eat together with cucumbers, apples and other food. Night birds sing, a cricket chirrs, Ukrainian girls and boys sing Ukrainian songs.

We don’t need to tell you how grateful this audience is, how enthusiastically they join in the action, after being used to living in darkness, overcoming thousands of obstacles. The cruel world, which they navigate by touch, suddenly surrounds them with care, wrapping them in it like in a warm blanket. Actors, who stepped into this river, have undergone rigorous training, whereas the experts in this case were members of the All-Russian Society for the Blind – they were the ones who acted as guinea pigs for the director’s discoveries. One should think that after an experiment such as this one, they will treat their profession quite differently.

Karolina Zernyte’s example turned out to be catching – Irkutsk’s Aistenok Puppet Theatre turned to her for her experience, inviting her to work on a production of “Caliph Stork” based on Wilhelm Hauff’s fairy tale, where several actors work their magic over every individual spectator. A theatre in Naberezhnye Chelny also became inspired by this experience – thus, an actress from a local puppet theatre attended a “May Night” performance and became very enthusiastic about the idea of creating a similar produc-

tion at home. The theatre won a grant at the competition for social and cultural projects, and in April of 2014, it will be welcoming little visually impaired spectators to a premiere that can be shown both in theatre and in specialized schools and kindergartens.

Karolina Zernyte’s experience is certainly impressive, but it is by no means unique. Moscow’s Bulgakov House theatre had a similar one – Ekaterina Negrutsa’s production of “Wolke” based on a story by Ksenia Dmitrieva about a boy and his magical journey from Germany to Russia on a small cloud Wolke for the sake of doing a good deed. The blind audience will need to use their sense of hearing, smell and kinesthetic sense, and become interactively involved in the action. The aroma of tea, mandarins and cinnamon substitute for stage scenery of a Christmas holiday, the drops of water on the face by way of a spray bottle – for being near a river, and when it comes to a pine cone, there’s no harm in letting one simply hold it in one’s hands. Students of Moscow Boarding School

...
 БИЕ ПРОСТВИЕ РАВНОМ.
 ГУ, К ЛЮБАЯ СВОРНОВ
 К ЛЮТ В СТИВНЕНЯТ
 ВЫПОЗРА ЧНОСТВИЕ
 С ПЕРИМЕН ТРАБОТО
 МОШНЫЙ УДОБЕСКИ
 ВЫ НЕНТОРНОМУ
 ВАМЕРИМЕНЯТ

No. 1 helped the production's creators with the most essential task – overcoming their fear in the face of such an unusual audience, which appears completely apathetic at first, but later surprises with the variety and liveliness of their reactions.

TO SEE THROUGH SOMEONE ELSE'S EYES

“This is all well and good,” says Sergei Nikolaevich Vanshin. “But only as piece goods for a special category of spectators. Whereas I want to be able to come to the theatre and watch any production. Any form of cultural rehabilitation is aimed at integrating disabled individuals into the society – they need to be able to have an opportunity to choose any film or production, and not just what the directors choose for them and adapt to them during individual shows. According to the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, this is simply inadmissible.”

Sergei Vanshin has a doctorate in education sciences; he is a member of the organizational committee for several “Movies Without Borders” film festivals, and general director of the REACOMP Institute, which provides professional rehabilitation and personnel training for the All-Russian Society for the Blind. He is also one of the co-authors of the concept of audio description – a laconic and competent description of what is taking place on stage, on screen or in a sports arena. Visually disabled and an ardent fan of cinema (his wife helped him watch hundreds of movies), Vanshin one day decided to introduce his companions in adversity to movies and theatre. The job of an audio describer requires special training (over one hundred forty hours of training) and particular personal qualities – Vanshin is convinced that regular volunteers are unable to take into account all the specifics of the issue. People, who wish to obtain this profession, undergo rigorous recruitment and selection process. Actors have a great advantage here over people of other professions – they do not need to train their speech, breathing, enunciation; they do not need to be taught visual think-

ing. This profession requires creative approach and... coaching. During lessons one scene or other is analyzed to determine how to explain what goes on to a blind person in a laconic and precise manner and confine the explanation to the pause provided by the director. An audio describer must have a very good grasp of the language (for instance, a phrase as simple as “a table lamp blazed to life” will immediately raise questions – did it light up or caused a fire). To be well-grounded in all questions (thus, for audio description of a film about the war of 1812, students had to thoroughly study military uniforms to avoid confusing a hussar with a Cossack, and an uhlan with a dragoon). They also need to be laconic and concise – avoid having their descriptions overshadow the action, remain virtually invisible yet essential participants of the action.

Audio description, according to Vanshin, like any other good cause is having a hard time fighting its way through life. A programme created to implement it broke up into three parts, as its financing had run out prematurely. It is impossible to obtain answers to various requests from different level functionaries. Like everywhere else, there's complete confusion with regard to copyright; there's a disconnect between people who try to create solutions for the visually impaired. Thus, for instance, the St. Petersburg State Library for the Blind and the Visually Impaired and the Dolls Children's Integration Theatre both declare a production of “The Little Man from the Clock” with audio description, based on Sasha Cherny, to be the first Russian example of adapting a production to the needs of visually impaired. And if Moscow and St Petersburg don't know what goes on in the other city, what can we expect of the rest of the country.

Nevertheless, the dream of having visually impaired individuals go to the theatre to watch any performance has already begun to come true. The Moscow Provincial Drama Theatre under the direction of Sergey Bezrukov is gradually adapting its repertoire to feed the needs of the visually impaired as well (and “Pushkin” became

the first production with audio description). Earlier Sergey also provided audio description for his children's movie “Real Fairy Tale”, and in the future he plans to make all of his theatre's productions accessible for the visually impaired. One of his audio describers is his wife, actress Irina Bezrukova, who has obtained the highest diploma. She graduated from the training course together with such actresses as Olga Ignatova, Anna Tsang and Marina Bauer.

The issue of cost is also manageable. The training for audio describers, plus the making of audio description for a production, plus equipment that is set up to translate any visiting production. All that's needed is a will to give a hand to the blind.